

Тархов Николай

70403.

ВЫСТАВКА

Газета - 2008 - 7 апр. - с. 15.

парижские химеры посетили Третьяковку

СЕРГЕЙ САФОНОВ

На выставке «Самостоятельная республика живописи» в Инженерном корпусе Третьяковской галереи впервые за много лет представлено творческое наследие Николая Тархова (1871—1930) — русского художника, создавшего свои главные произведения в годы парижской жизни.

«Третьяковская галерея продолжает знакомить зрителей с наследиями малоизвестных художников», — сказал гендиректор музея Валентин Родионов на недавнем вернисаже Леонида Пастернака. В нынешней ситуации директорское определение было бы даже справедливым: Тархова действительно плохо знают на родине, поскольку расцвет его творчества пришелся на десятилетия, проведенные во Франции. В самой ГТГ вещей Тархова раз-два и обчелся, самая известная — «Козы на солнце» (1904). Благодаря спонсорам, к девяти живописным и одному графическому произведениям теперь добавилось еще пять. Впрочем, об этом чуть ниже.

...Он родился в московской купеческой семье. Попытка поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества оказалась неудачной, зато с 1897 года Тархов начал в частном порядке посещать мастерскую Константина Коровина; чуть позже начинающий живописец впервые показал работы на очередной выставке Московского общества любителей художеств. На рубеже XX века не требовалось особого героизма для преодоления географических границ, так что поездки в Париж и Мюнхен были для молодого художника делом обычным. Постепенно «центр тяжести» оказался для Тархова перенесен из России во Францию: лето 1900 года он провел в Бретани, через год показал девять картин в парижском Салоне независимых, да так и остался в Париже — не забывая при этом ежегодно присылать работы и на московские выставки. В 1910-м даже стал одним из членов-учредителей «Мира искусства».

Для нынешней экспозиции большинство произведений также прибыло из-за границы: из частных коллекций и женевского художественного музея Пти-Пале. Это негосударственное собрание всегда отличалось особым интересом к творчеству авторов, ощущавших себя в европейской культуре «пришлыми»; огромная коллекция произведений Тархова попала сюда из его дома в парижском предместье сразу после смерти автора. Из женевского музея происходит и нынешний спонсорский дар Третьяковке: как частное предприятие, этот музей может распоряжаться фондами по своему усмотрению. Выступая перед московскими журналистами, замдиректора ГТГ Лидия Иовлева рассказывала об этом с какой-то даже завистью. В этот раз музей решил продать несколько графических вещей устроителям выставки в Третьяковской галерее — чтобы поправить свои дела и для исторической справедливости.

Художник не всегда был широко известен, но никогда не был забыт. По мнению искусствоведа Василия Ракитина, изучившего творческий путь Тархова, судьба не раз давала выходцу из России шанс — но всегда почти безрезультатно. Он участвовал в заочной Дягилевым выставке русского искусства, и его картины висели по соседству с Грабарем. Персональная выставка Тархова у легендарного Амбруаза Воллара последовала вслед за экспозицией Матисса. Художник Андре Дерен, имевший колоссальное влияние на русское искусство 1910-х годов, купил у Тархова ряд картин. Еще живописец предвосхитил некоторые идеи Михаила Ларионова, его ценил Малевич...

За последние пару лет российскую столицу «навестили» многие бывшие соотечественники. В Московском центре искусств состоялась выставка Шагала и Бурлюка, сама Третьяковка показала французскую коллекцию подзабытого Владимира Баранова-Россине. Все эти экспозиции имели коммерческий оттенок: возвращение имени художника обычно связано не только с систематизацией представлений о нем и с изданием фундаментального каталога (так случилось и на этот раз), но и с неизбежным появлением работ на художественном рынке. Види-

В 1904 году художник женился на француженке Мари Ивонн Дейтель и вскоре стал отцом троих детей. Николай Тархов. Мадам Тархова, обнимающая ребенка (1906—1907). Частное собрание

мо, подобная составляющая есть и в новом проекте ГТГ. Иначе не объяснишь, почему большую часть издания с музейным грифом составляют «другие произведения художника» — отсутствующие в экспозиции, но освященные включением в пухлый том.

Скажу и о самой экспозиции. Честно говоря, она оставляет чувство некоторого разочарования — после пафосных разговоров о единственном русском последователе раннего Моне, об отечественном импрессионизме. Сюжеты Тархова то сугубо этнографичны, вроде «Химеры Нотр-Дам»

(1902), «Сены ночью у Лионского вокзала» (1902) или «Карусели на Монпарнасе» (1900—1901), то универсально отвлечены — «Старое дерево над разлившейся рекой» (1906), «Крестьянин с плугом на фоне пейзажей с деревьями и цветами» (1908). Дело не в том, что холсты Тархова стали известны позднее работ его современников, к тому времени застывших темы европейского пейзажа и частной жизни современников. Просто он что-то не то увидел в знаменитом «Стоге» Клода Моне; несмотря на десятилетия жизни в парижском искусстве, так и остался пришельцем из другого мира.